

ВЕЧЕРНИЙ

+ ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

220X

КАПЛИ ЖИВИЦЫ

Талант, как правило, не обнаруживает себя случайно и неожиданно. И даже у тех писателей, кто входил в литературу уже далеко не в юношеском возрасте, все-таки обязательно были в жизни моменты, когда удивление перед миром звало и побуждало высказаться о нем. Иные начинают говорить сразу, а кто-то долго вглядывается сначала в высоты отечественной и мировой литературы и, наконец, решившись, с трепетом берется за перо.

Свердловская писательница Вера Кудрявцева прошла именно такой путь. От детской уверенности в своем призвании литератора до осознания тяжести взваленного на свои плечи груза в пору зрелости. Впрочем, не этого груза она боялась. С ранних лет привыкшая к работе, она опасалась только одного, чтобы тот мир, тот круг близких ее сердцу людей, о котором она писала и частицей которого была сама, не предстал перед читателем со страниц ее книг искаженным и фальшивым — дешевой ли идеализацией патриархального деревенского уклада, заискиванием ли перед духовной красотой своих героев.

Стремление к достоверности происходящего, пожалуй, стало одним из первых требований писательницы к своему творчеству. И этому правилу она не изменяла.

Жизнь со страниц произведений Веры Кудрявцевой предстает во всей ее непритумленной и неприукрашенной сложности. Писательница словно присутствует среди своих героев, так точен взгляд, умение взять из жизни — через деталь, штрих, образ, речевую характеристику, реплику — ее суть. А передать душевное состояние героев с высокой степенью достоверности нельзя, не сопережив всем их горестям, невзгодам, драмам и радостям. Так же, как народность состоит не в описании сарафана, так и творчество, сколь бы ни искусно оно было в передаче внешних примет, не будучи одухотворенным сопереживанием писателя, не одухотворит и читателя.

В повести «Я выткала вам по дорожке», давшей название одной из книг писательницы, образ Даниловны-«раноставки» подан автором настолько «через себя», что при разговоре с Верой Кудрявцевой я безотчетно искал духовное родство героини с ее создателем даже во внешнем обаянии, в манере вести речь, в жесте. И нашел-таки это сходство, несмотря на дистанцию, отделяющую автора от героини. Одинаковы у них руки. У Веры Кудрявцевой они тоже крестьянские, потруженные, знающие так называемую черную работу. Может, отсюда и пришло постижение психологии крестьянки Даниловны — от одинакового отношения к труду, к природе?

Вера Кудрявцева безыскусно повествует о близком ей, знакомом до мелочей, пропущенном через собственную судьбу бытии. Но это не копия с оригинала, а созданная авторским воображением жизнь, где среди массы ее составляющих выбраны только те, которые необходимы для разговора с читателем на языке образов, а не информации.

Умение отобразить нужное у Веры Кудрявцевой идет не от привычки к экономности изложения, а от точного знания, от пространный видения авторской идеи. И здесь нет заданности. Здесь автором

руководит опыт не писательский, а жизненный.

Впрочем, писательский опыт без жизненного мало чего стоит. Об этом Вера Кудрявцева известна и по собственной творческой биографии. Она складывалась внешне благополучно. Уже в раннем детстве Вера повезло с педагогами, приобщившими ее к литературным богатствам. Да и до школы в семье, где жили еще полубыли-полудегенды о ее прадеде, беглом крепостном, основавшем в лесах под Томском ее родное село Ново-Подзорово, будущая писательница дышала воздухом устного народного творчества, слушала яркий, живой язык. Любовь к родной речи, к слову сопровождала ее уже с первых шагов.

Неудивительно, что, сколько себя помнит, Вера Кудрявцева всегда стремилась найти людей, объединенных жаждой творчества в литературные кружки, группы. Но первые ее самостоятельные литературные опыты не принесли ей ни успеха, ни удовлетворения. В ее стихах было достаточно поэтической грамотности, но чувствовалась зависимость от прочитанного, печать ученичества. Да и сами темы стихотворений не ощущались ее личными темами. Необходим был путь к себе.

В том и благополучие ее творческой биографии, что писателем Вера Кудрявцева стала именно тогда, когда ей уже было ЧТО сказать. А КАК сказать, она уже умела. Два вуза — педагогический и ВГИК, учеба у мастеров слова, систематическая работа над собой позволили ей добиться прозрачной чистоты стиля, которым отмечены все ее книги.

Точность, динамичность, ясность... Может, это от долгой работы в школе в качестве словесника, от журналистской практики, а может, и от той детской приверженности к золотым россыпям народной речи? «Не люблю сделанную литературу», — говорит писательница. Это ее творческое кредо. В нем нет рисовки, ибо созданное Верой Кудрявцевой дает основание с полным доверием отнестись к словам о том, что все ее повести не написаны, а прожиты. В каждой из своих героинь, — а именно их образы особенно удаются писательнице, — есть частица ее самой: в дочерях Даниловны, в Анне из «Живицы», в Елене Пахомовне из «Улицы Сергея Есенина»...

В «Живице» Анна, работница химлесхоза, идет по своему участку и собирает живицу. Она «шла от сосны к сосне, писала и писала на стволах буквы живицы. Драгоценными каплями проступала в них живица...» Есть в этой картине нечто символическое. Не так ли писатель идет от книги к книге, от судьбы к судьбе, чтобы собрать и нести читателю драгоценными каплями живицы свои наблюдения?

Путь Веры Кудрявцевой в литературе начался давно. Сделано много. Книги «Сколько весит слоненок?», «Чистая тетрадь», «Я выткала вам по дорожке», рассказы, повести, киносценарии. «Сделано мало» — это ее мнение. Что же, писателю яснее виден собственный творческий потенциал. Значит, впереди будет много работы. Для разума, для сердца.

Г. СЮНЬКОВ,
преподаватель Уральского
университета.